

ЛАНА ФАЙБЕР

ТОМ 2

ТЕНЬ ВЕКОВ: КИР ВЕЛИКИЙ

18+

Лана Файбер

Тень веков: Кир Великий (том 2)

«Автор»

2026

Файбер Л.

Тень веков: Кир Великий (том 2) / Л. Файбер — «Автор», 2026

Кирилл (Кир) думал, что прошлое осталось в прошлом, вместе с разбитым артефактом. Но, не все так просто...Впереди – великие и грозные завоевания. Киру предстоит пройти огнём и мечом по богатым землям Лидии и бросить вызов неприступным стенам Древнего Вавилона. Но как воевать с целым миром, когда прошлое не отпускает, выжигая душу, а главная битва разворачивается внутри тебя?!И цена побед – неизбежная и трагическая судьба тех, кто стал так дорог...

© Файбер Л., 2026

© Автор, 2026

Лана Файбер
Тень веков: Кир Великий (том 2)

Глава 1

Рисунок на плече больше не болел, но морально очень беспокоил Кирилла. У подданных в любой момент могли возникнуть опасные вопросы: откуда это вдруг у их законного царя на теле, ни с того ни с сего, появились странные, пугающие отметины? Но как надежно скрыть узор от посторонних глаз? Если в период непродолжительной болезни он еще мог отослать служанок и переодеться исключительно с помощью жены, то в дворцовой купели оставаться в полном одиночестве царю не полагалось по статусу. Но, что же делать?

Погруженный в мрачные мысли, Кирилл сидел на кровати. Чтобы получше рассмотреть свое плечо и попытаться найти решение, он попросил Дану принести ему зеркало. Жена принесла большое, гладко отполированное медное зеркало и присела рядом, молча наблюдая за мужем.

Кирилл устроился поудобнее, стянул рубаху и повернулся к медному диску боком. От увиденного его глаза округлились от крайнего изумления: зеркало отражало абсолютно чистое плечо. На металле не было ни единой темной линии!

От неожиданности Кирилл охнул. Он покрутился перед зеркалом так и этак, а затем растерянно попросил Кассандану взглянуть на гладь меди:

– Ты тоже это видишь?! Ну, или точнее... не видишь рисунка?!

Дана наклонилась ближе к полированному металлу и внимательно всмотрелась в отражение. Ее брови от удивления поползли вверх. Она перевела взгляд на плечо мужа, где четко мерцал узор, потом вновь на гладь зеркала и задумчиво произнесла:

– Как интересно... И ты, и я видим этот рисунок на коже. Но металл его почему-то не отражает. Но что же тогда с другими людьми? Увидят ли они его своими глазами?

– Хм... очень не хотелось бы проверять это на публике, – мрачно отозвался Кирилл, натягивая рубаху обратно. – Но как нам убедиться? Я здесь без слуг и личной охраны шага сделать не могу. Но и довериться первому встречному – безумие.

Он крепко задумался, перебирая в голове варианты, как прагматичный менеджер, оценивающий риски:

– Жрецы–маги могли бы выступить «толкователями» воли богов, но от них можно получить и дурное толкование, которое поднимут на щит мои враги. Так что маги отпадают. А реакция лекарей и вовсе непредсказуема... Что же мне делать, Дана? – он поднял на нее озадаченный, полный глухой тревоги взгляд.

– Все зависит от того, кому именно ты по–настоящему доверяешь, – тихо ответила Дана.

– Доверя–я–ю... – задумчиво протянул Кирилл. – Свою жизнь я без колебаний доверяю Ариашу, Гарпагу и еще нескольким преданным людям. А вот толкование «воли богов»... – Кирилл цинично хмыкнул. – Это я не доверю вообще никому.

– Ты сам говорил, что про амулет тебе впервые рассказал именно Гарпаг. Да и эту книгу в Аншане подарил тебе он, – Кассандана задумчиво провела пальцем по мерцающим линиям на его коже. – Если Гарпаг увидит этот рисунок своим глазами, ему будет легче всего объяснить его природу. Он умен и, возможно, сам посоветует, как скрыть отметину от чужих взглядов. Ну а если не увидит... – она бросила короткий взгляд на чистое медное зеркало. – То все наши страхи и вопросы отпадут сами собой.

Кирилл согласно кивнул. Логика жены была безупречной.

Повод для срочного вызова генерала долго придумывать не пришлось. В Экбатаны как раз доставили первые важные донесения с дальних заслонов, которые по приказу царя выставили вокруг мятежной Парфии. Кирилл велел немедленно принести все свитки в свои покои и позвать Гарпага.

Чтобы сцена выглядела правдоподобно и не вызвала у старого воина лишних подозрений, Кирилл слегка увлажнил чистую рубаху водой – так, словно его тело только что пережило сильный приступ лихорадки. После этого он забрался под теплое одеяло по самый подбородок. Вся эта шпионская игра казалась бывшему инженеру «Ленгидропроекта» жутко нелепой и даже смешной. Но прагматик внутри него понимал: на кону сейчас стоит не только его собственное будущее. На кону жизни Даны и маленького Камбиса. Древние суеверия – это страшная и слепая сила. Стоит слугам заподозрить царя в «одержимости» темными демонами, и кровавой расправы будет не избежать. Лучше было просчитать все риски и не рисковать понапрасну.

Вскоре в покои прибыл Гарпаг. Он с явным беспокойством посмотрел на повелителя, который уже второй раз подряд встречал его в постели, и вежливо поинтересовался здоровьем царя. Кирилл показушно, но весьма искусно изобразил идущего на поправку больного и слабым голосом заверил генерала, что дело уверенно идет к выздоровлению.

После чего кивком указал на лежащие на прикроватном столике свитки. Они на некоторое время погрузились в работу, детально обсуждая, как продвигаются дела на заслонах и какие шаги стоит предпринять дальше.

Их деловой разговор прервала вошедшая Кассандана. Она появилась в покоях именно тогда, когда они заранее договорились с Кириллом – точно в середине беседы. Дана заботливо подошла к мужу, тыльной стороной ладони пощупала его лоб, внимательно осмотрела лицо и строго заявила, что после лихорадочного пота ему необходимо немедленно сменить рубаху.

Все дальнейшие действия были разыграны супругами как по нотам. Едва служанка принесла свежую одежду и покинула комнату, Кассандана сама принялась помогать мужу. Гарпаг, решив проявить тактичность, уже думал было откланяться и выйти, но Кирилл остановил его спокойным жестом. Он мимоходом заметил, что это минутное дело, и не стоит из-за такой ерунды прерывать их важный стратегический разговор.

Царь уверенно скинул влажную рубаху и непринужденно подставил широкие плечи жене, чтобы она могла обтереть его кожу чистой сухой тканью. Кирилл сидел боком к генералу, полностью оголив руку со зловещим рисунком.

Гарпаг спокойно продолжал смотреть на царя. В суровом лице старого мидийца не изменилось ровным счетом ничего. Его взгляд спокойно скользил по телу Кирилла, совершенно не цепляясь за те места, где темные линии нанитов титана пульсировали и мерцали для самого царя и его жены.

«Значит, этот рисунок видим только мы с Даной, – с огромным облегчением подумал Кирилл, пока Кассандана бережно расправляла на его плечах чистую ткань свежей рубахи. – Что ж, это очень сильно упрощает мою и без того безумно запутанную жизнь».

Расчет бывшего инженера отчасти оправдал себя. И пока Экбатаны укрывали первые осенние дожди, а затем и суровые горные снегопады; запущенный Кириллом невидимый механизм блокады медленно, но, верно, душил восставшие окраины.

На севере экс-царь Астиаг, желая доказать внуку свою лояльность, наглухо закрыл границы богатой Гиркании. Все тайные тропки были полностью заблокированы. Парфия оказалась в абсолютной продуктовой и экономической изоляции, и если продовольственный кризис, на который Кирилл делал ставку все же не состоялся, то экономическая блокада начала наносить мятежной области тяжелый урон. Очень быстро там закончилось железо, медь, привозная и такая нужная древесина, элитные ткани и вино для знати. Тем временем в заснеженной Армении летучие отряды Артафарна ювелирно перекрыли ключевые горные перевалы. Заняв деревни в долинах, персидские воины устроили себе сытные и теплые зимние базы за счет местных амбаров, пока бунтующие князья замерзали в своих неприступных скальных замках на вершинах, лишенные снабжения.

Кирилл не пролил ни капли солдатской крови. Пустой желудок действительно оказался лучшим дипломатом. К тому моменту, когда сойдут первые весенние снега, изможденная и запертая в горах Армения капитулирует без единого штурма. А Парфия всерьез задумается о своей независимости находясь в полном окружении недружественной к ней территории, лишившей ее внешних источников благополучия и процветания.

Однако, пока мятежные территории, находящиеся в глухой осаде, приходили к правильным решениям, в объединенной Персии под властью Кира приближалась зима. Это была первая зима в царских покоях Экбатан. Огромный каменный дворец Астиага, созданный для летней прохлады, зимой превращался в ледяной склеп.

Местные слуги по привычке притащили в парадные залы бронзовые чаши-жаровни, доверху наполненные тлеющим древесным углем. Тепла от них почти не было – весь жар уходил под высокие мраморные потолки, зато комнаты быстро заволокло едким, удушливым чадом. Когда маленький Камбис, закашлявшись от дыма, капризно прижался к матери, Кирилл понял: пора брать дело в свои инженерные руки и переделывать дворец Экбатан по образцу его дома в Аншане.

Огромные парадные залы закрыли тяжелыми войлочными занавесями до самой весны. Царская семья переехала в небольшое крыло дворца – так называемые «зимние покои». Здесь потолки были гораздо ниже, а окна – уже, что позволяло лучше сохранять тепло. Но главное волшебство сотворил аншанский мастер-печник Гидар, которого Кирилл в свое время обучил постройке печей-лежанок.

Для мидийских мастеров, привыкших к открытым жаровням, это казалось безумием. Но дотошный Гидар быстро подобрал нужных мастеров. За пару дней его рабочие аккуратно, стараясь не повредить настенные барельефы, сложили небольшую, изящную закрытую печь по нарисованным чертежам. Поверхность печи обложили обожженной плиткой, чтобы не портить убранство покоев.

Результат поразил весь двор. В зимних покоях воцарился сухой, чистый и мягкий жар. Дым послушно улетал в трубу, растворяясь в морозном воздухе Экбатан. Внутри комнат пахло только жасмином, миррой и домашним уютом, а маленький Камбис в одной легкой рубашке весело ползал по коврам, пытаясь поймать за хвост пушистого домашнего кота.

Пока наглухо запертая Парфия изыскивала способы получить необходимые для жизни провинции товары, а замерзающие армянские князья угрюмо смотрели голодным взглядом со своих скал на персидские заслоны в теплых долинах, в зимней резиденции Кира было по-настоящему тепло.

– Расскажи мне о нашем... человеческом будущем, – попросила однажды Кассандана.

Они отдыхали в уютной, наполненной чистым теплом тишине зимних покоев. За узкими завешенными ставнями и коврами окнами Экбатан бушевала выюга, но новая саманная печь в комнате исправно держала мягкий жар, давая спрятавшимся за толстыми стенами тепло и комфорт. Камбис уже мирно спал в своей колыбели, а Кассандана и Кирилл лежали рядом под одеялом и нежно друг друга обнимали.

Кирилл на миг задумался, рассеянно глядя в потолок. Его прошлое «будущее» теперь казалось таким далеким и призрачным, будто он читал о нем в какой-то чужой книге. Из памяти постепенно стирались серые питерские улицы, шум метро и бесконечные отчеты в «Ленгидропроекте».

– Я жил в очень развитом мире, Дана, – тихо произнес он, поворачиваясь к жене. – И этот мир построили обычные люди, без капли магии. Силой одного лишь разума. Вот, например, чтобы сейчас узнать, что происходит в Аншане, нам нужно ждать гонца больше недели, пока кони летят по тракту «Чапархане». В моем времени у каждого человека в кармане лежит небольшая коробочка. По ней можно мгновенно поговорить с кем угодно, даже если этот кто-то находится на другом конце планеты. А еще можно включить экран и увидеть его лицо. Так четко, будто вы стоите в одной комнате.

Кассандана с живым, почти детским интересом посмотрела на мужа:

– Погоди... У нас, титанов, были особые ментальные кристаллы, через которые мы могли общаться мыслями на расстоянии. Чтобы передать образ, требовалось долго синхронизировать кристаллические резонаторы, очищать ментальное поле от помех. И даже тогда картинка дрожала и плыла, как знойный мираж над песчаным морем. В будущем люди тоже используют силу разума?

– О, нет! – Кирилл невольно улыбнулся. Он вдруг поймал себя на мысли, что ему – инженеру довольно трудно на пальцах объяснить принцип работы сотовой связи и электромагнитных волн. – У нас все гораздо прозаичнее. Человеческий разум здесь ни при чем. Картинка и звук превращаются в невидимые сигналы и передаются от устройства к устройству через специальные башни–ретрансляторы, которые опутывают всю землю. Людям не нужно напрягать волю и настраивать свои мысли. Достаточно просто набрать на своей коробочке личный цифровой код другого человека. Связь возникает за секунду. И ты можешь говорить голосом – точно так же, как мы с тобой сейчас общаемся.

– Ты в том мире тоже был царем, раз у тебя была такая удивительная связь? – с искренним любопытством спросила Кассандана.

– Нет, что ты! – Кирилл невольно рассмеялся. – В том далеком будущем любой человек, вне зависимости от его статуса, происхождения или богатства, может просто взять в руки телефон и с кем-нибудь связаться. И это делают одновременно миллионы людей по всей нашей планете. Каждый божий день...

– Миллионы людей одновременно, – ошарашенно повторила, Кассандана, – такое распыление силы. Великая технология, которая стала обыденностью, чудо, которое никто даже не ценит и тратит просто так, на пустые разговоры...

Инженер тепло улыбнулся своим воспоминаниям и мечтательно уставился в невысокий потолок зимних покоев. На мгновение ему показалось, что он снова слышит привычный гул большого города.

– А еще у нас есть окно, которое само показывает сны – «телевидение» и общая библиотека знаний – «интернет», – продолжил он, подбирая понятные слова. – По широким дорогам из ровного черного камня сами ездят миллионы железных повозок–машин. А дома обыч-

ных людей полны разных технологических штук. Там есть маленькие самостоятельные роботы, которые сами убирают пыль с ковров и моют полы. Есть ледяные шкафы–холодильники, где еда месяцами не портится без всякой соли. И даже умные печи, которые сами знают, как правильно приготовить мясо... Эх... Если бы я мог хоть на один день забрать тебя туда и показать это будущее – тебе бы оно точно понравилось, Дана.

– Значит, люди смогли приручить свет и заставили его носить свои голоса и образы сквозь воздух? Без всякого колдовства и без технологий титанов... Это поразительно, Кир. Титаны–архонты всегда считали смертных глупым стадом, способным лишь охотиться и добывать ресурсы. Как же сильно мы ошибались. А что еще люди будущего умеют? Летать? У вас были эфирионы?

Кирилл тихо хмыкнул, вспомнив обычные пассажирские Боинги:

– Эфирионов не было. Но огромные железные птицы, способные перевозить по триста человек за раз, всюду летают над облаками. Люди заперли огонь и взрывы внутри могучих железных печей, и эта сила толкает их вперед быстрее любого ветра.

Дана слушала его, затаив дыхание и задумчиво перебирала пальцами бахромку тяжелого покрывала. Из всех чудес человеческого будущего ее поразили не железные птицы в небе, а устройства, которые Кирилл назвал автомобилями.

– Повозки, которые едут сами по ровному камню... – медленно повторила она, словно примеряя эту мысль к своей памяти. – Знаешь, Кир... У нас, титанов, никогда не было ничего подобного. Нам не нужны были наземные машины. Если титану требовалось попасть на другой конец Дариассы, он просто поднимал в воздух свой эфирион и летел над облаками. А внизу, на земле, оставался дикий нетронутый ландшафт. Мы не строили дорог. Мы вообще не думали о земле, по которой ходили люди.

Она подняла на него глаза, и в них блеснула глубокая, мудрая мысль:

– Теперь я понимаю, почему ты здесь так отчаянно взялся за проект «Чапархане» и заставил Рахмана мерить вехами тракты. Твой разум человека из будущего понимает, что мир людей нельзя связать только небом или ментальными кристаллами. Ее нужно объединять прочными нитями дорог на земле. Чтобы любой человек, а не только царь, мог добраться куда угодно.

Кирилл удивленно посмотрел на жену. Он и сам не думал об этом в таком ключе, но Дана, как мудрая женщина, проникла в самую суть его прагматизма.

– Пожалуй, ты права, – тихо хмыкнул он, ласково прижимая к себе жену. – Дороги – это артерии. Без них любой государственный организм просто умрет от паралича. В моем будущем мы это хорошо усвоили.

Дана мягко улыбнулась и потерлась носом о широкую грудь Кирилла.

– Какой же все-таки интересный мир людей, – лукаво прищурилась она. – И я рада, что в свое время сделала свой выбор в их пользу...

Она погрузилась в размышления, устремив взор в пространство, ее пальцы в это время, словно в танце, выводили замысловатые узоры на рельефных мышцах супруга. В ее сознании зрело нечто важное, требующее осмысления, но она предпочла сохранить молчание, чтобы не нарушить хрупкую гармонию момента.

Порой, долгими зимними вечерами, когда государственные дела отходили на второй план, Дана и Кирилл погружались в изучение инструкции Хроно-модулятора, стремясь понять тонкости его функционирования. В уютной опочивальне, освещенной мягким светом масляных ламп, они анализировали конструктивные особенности устройства и его принципы работы, обсуждая каждую деталь с тщательностью, присущей исследователям, стремящимся к глубокому пониманию сложных механизмов. За окном бушевали холодные ветра, но в стенах их уединенного пространства царила атмосфера сосредоточенности и научного поиска.

Дана медленно вела пальцем по светящимся строчкам, нахмутив брови. Кирилл наклонился ближе, пытаясь разглядеть ровные геометрические чертежи, которые сам же когда-то начертал в прошлой жизни.

– Ну что там? – нетерпеливо интересовался он. – Как это все работает у Хроно-модулятора?

Дана вздохнула и перевела взгляд на мужа:

– Здесь написано, что устройство считывает частотные вибрации тонкого тела и перенаправляет эфирный поток через фокусирующий кристалл. Кристалл выступает как резонатор, который...

– Стоп, стоп, стоп, – Кирилл замахал руками и устало потер переносицу. – Какое тонкое тело и эфирный поток? Я – гидротехник, инженер из двадцать первого века! В моем мире физика устроена иначе. У нас есть кремниевые платы, электрический ток, напряжение, сопротивление. Мы строим машины на углеродах и металле. А то, что ты читаешь, звучит для меня как бред средневекового алхимика или сказка про колдунов!

Дана ничуть не обиделась. Она лишь понимающе улыбнулась и мягко коснулась его руки:

– Но ведь магии не существует, Кир. Ты сам говорил, что люди будущего приручили молнию и заставили ее носить голоса. Для людей этого времени твой телефон – это тоже страшное колдовство. Твой инженерный разум просто привык работать с грубыми материалами – углем, железом и песком. А наш народ работал с более тонкими силами природы. Эфир – это не волшебство. Это просто среда, которая проводит особые волновые колебания. А кристаллы – те же микросхемы, просто они управляют не движением частиц, а световыми и ментальными потоками.

Кирилл задумчиво хмыкнул, глядя на мерцающий чертеж. Если посмотреть на схему под другим углом... Круглый элемент в центре очень напоминал генератор, а расходящиеся от него линии – обычную замкнутую проводящую цепь.

– Значит, конфликт технологий, – пробормотал инженер, и в его глазах снова загорелся азарт исследователя. – Ладно. Давай пробовать переводить твои кристаллы и эфир на мой язык электричества и логики. Нам нужно понять главное: как именно работает это устройство? Влияет ли оно на наш теперешний вид – на людей... И что произойдет, если его отыскать и полностью отключить?

Дана перелистнула страницу и внимательно вчиталась в текст, переводя древние тексты на понятный им обоим язык. Кирилл сидел рядом, не сводя глаз с геометрических чертежей на листе. Он аккуратно провел пальцем по тонкой линии, расходящейся от круглого элемента в центре, будто хотел стряхнуть с нее пыль ушедших веков.

– Смотри, – он ткнул пальцем в схему, и его голос стал тише, но тверже. – Вот эта дуга... она совсем не похожа на мистическое заклинание. По виду это – контур. В моем времени такие чертят для обычных катушек индуктивности. А этот кристалл в центре – если на миг представить, что он не «ловит ментальные потоки», а просто меняет свое сопротивление в зависимости от частоты сигнала... Тогда вся эта штука начинает выглядеть как классический фильтр. Как

резонаторный контур, который пропускает только одну конкретную волну и намертво глушит все остальное.

Дана склонила голову к плечу, вглядываясь в чертеж уже не как жрица из далекого прошлого, а как верная союзница инженера.

– Значит, ты хочешь сказать, что «эфирный поток» – это просто невидимый сигнал? А устройство его... сортирует?

– Именно! – Кирилл заметно оживился, будто наконец ухватил за хвост ускользающую, важную мысль. – Представь: по этой среде – по этому... «эфиру» – постоянно идет миллион разных колебаний. Сплошной белый шум. Ветер, грозы, движение тектонических плит под землей, дыхание миллиардов живых существ... А прибор выхватывает из этого хаоса одну–единственную, конкретную частоту. Ту самую, на которой «звучит» энергетическая матрица титана. Выхватывает и перенаправляет ее. Или искажает. Или вовсе обрывает.

Он внезапно замолчал, пораженный масштабом собственной догадки. В наступившей тишине масляная лампа тихо заискрилась, словно соглашаясь с выводами инженера.

– Вот тут написано: «Когда кристалл резонирует в унисон с пульсом земли, врата между мирами приоткрываются», – медленно проговорила Дана, водя пальцем по строке. – Ты бы как это назвал, Кир?

Кирилл хмыкнул, но уже без прежней резкости – скорее с глубоким уважением к чужой технической образности:

– Синхронизация по опорной частоте. Земля в данном случае – это наш главный генератор. У нее действительно есть собственные электромагнитные колебания, так называемый резонанс Шумана. Примерно семь целых и восемь десятых герца. Если это устройство жестко настроено на эту частоту, оно становится частью глобальной планетарной системы. Как радиоприемник, который чисто ловит станцию, потому что их волны совпали в пространстве.

Дана подняла на него глаза. В их глубине на миг мелькнуло то самое древнее знание – не книжное, а глубинное, родовое.

– А если оно не просто «ловит», а само транслирует? – тихо спросила она. – Что, если оно не слушает пульс земли, а целенаправленно бьет по нему?

Кирилла словно окатили ушатом ледяной воды. Он резко выпрямился в кресле, глядя на схему в книге уже не как на абстрактную головоломку, а как на смертельно опасную машину.

– Тогда это не приемник. Это мощнейший передатчик, – инженер запнулся, лихорадочно подбирая земные термины, чтобы не скатиться в мистику. – И если он излучает на частоте, которая полностью совпадает с базовыми ритмами живого... ну, с нашей биоэлектрической активностью, то он способен напрямую влиять на клеточные процессы. На ту самую скрытую программу саморазрушения, о которой ты говорила. На апоптоз.

Он посмотрел на Дану. В его прямом взгляде читался не панический страх, а холодная, пугающая ясность инженера, который внезапно понял, что перед ним лежит чертеж технологической био–бомбы.

– Понимаешь? Если это устройство когда–то запустило этот бесконечный цикл перерождений, значит, оно не просто пассивно считывало вибрации душ. Оно их грубо переписывало. Меняло базовую инструкцию в каждой живой клетке на планете. И если мы в конце концов найдем его... и если я просто дерну рубильник...

– Мы можем не освободить души титанов, а окончательно стереть их из бытия, – тихо закончила Дана. Ее голос звучал ровно, но тонкие пальцы невольно сжались в кулаки. – Инструкция на этой странице прямо предупреждает: «Не прерывай поток резко. Переход обязан быть плавным, как закат, а не как внезапный удар молнии».

Кирилл снова уставился на чертеж. Но теперь его прагматичный разум видел в изящных линиях не древнее искусство, а реальную техническую схему со всеми ее рисками и критическими точками отказа.

– Значит, нам категорически нельзя его отключать, – твердо произнес он. – Нам нужно его... перенастроить. Найти инженерный способ перевести эту планетарную частоту на другой, безопасный канал. Чтобы души титанов перестали слепо заикливаться в петле времени и смогли... ну, я не знаю... выйти на новый уровень развития.

Дана согласно кивнула. Ее улыбка на этот раз была не утешительной, а боевой – улыбкой сильного человека, который точно знает, что впереди их ждет долгий, полный опасностей путь.

– Ты успешно переводишь древнюю магию титанов на свой язык электричества и сухой логики, Кир. А я помогу тебе никогда не забывать, что внутри этой колоссальной машины бьются наши собственные судьбы. Мы сделаем это вместе.

За закрытыми ставнями окна их комнаты в Экбатанах ледяной январский ветер все так же неистово гнул голые ветви деревьев. Но внутри зимних покоев первобытный холод окончательно отступил перед чистым жаром общего дела. Два совершенно разных мира – практичный век кремния и могучий век кристаллов – наконец–то начали говорить на одном общем языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.